Изъ воспоминаній о быломъ.

(*Со словъ разсказчика*).

Уроженецъ черниговской губ., сосницкаго уѣзда м. Новыхъ Млыновъ, сынъ мелкопомѣстной вдовы, я жилъ и воспитывался дома, какъ говорится, на мѣдныя деньги. Отецъ, умирая, выразилъ надежду, что мой старшій братъ позаботится обо мнѣ.

Когда мнѣ минуло 14 лѣтъ, братъ, бывшій тогда командиромъ резервной батареи и только что вернувшійся изъ Парижа вмѣстѣ съ корпусомъ Раевскаго, заѣхалъ домой, чтобы повидаться съ матушкой, съ сестрами, а главное, чтобы взять меня съ собой, согласно волѣ отца. Страшно было разставаться съ родной деревней, много было пролито слезъ при прощаніи съ родными, но въ концѣ концовъ братъ съумѣлъ ободрить меня своимъ примѣромъ, обѣщаніемъ, что я выросту и буду молодцомъ, буду носить эполеты, и пробью себѣ дорогу, оставаясь же здѣсь въ глуши мнѣ, какъ бѣдному мелкопомѣстному, необразованному дворянину, предстояло весь вѣкъ не видать никого и ничего дальше своей деревни. Уѣзжая, я просилъ брата позволить мнѣ взять съ собой пару любимыхъ голубей, которыхъ, отъѣхавъ верстъ 25, я и выпустилъ на свободу. Мнѣ казалось, что если голуби прилетятъ домой, то и я когда нибудь вернусь на родину, если же нѣтъ, то и мнѣ не видать ее болѣе. Голуби прилетѣли да и мнѣ, много лѣтъ спустя, пришлось жить въ родныхъ мѣстахъ.

Въ бригадѣ, гдѣ служилъ братъ, была школа, въ которую поступилъ я по прибытіи и, окончивъ ее довольно удовлетворительно, былъ посланъ вмѣстѣ съ другими юнкерами въ Петербургъ, гдѣ мы должны были вторично держать экзаменъ на полученіе офицерскаго чина.

Прибывъ въ Петербургъ мы явились въ свободную роту (что была тогда на Ямской), учрежденную для записи всѣхъ прибывающихъ изъ арміи офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Командиромъ роты былъ капитанъ Гурьевъ, а фельдфебелемъ Гавриловъ, другихъ чиновъ не было въ ротѣ, а въ спискахъ стояло человѣкъ до 100 и на нихъ шло полное казенное продовольствіе, поступавшее въ безконтрольное распоряженіе фельдфебеля. Рота состояла изъ ротнаго двора,—казарменнаго помѣщенія не имѣлось и прибывающіе на короткое время только числились, а жили на своихъ квартирахъ по совѣту фельдфебеля.

Наша артель состояла изъ двухъ братьевъ Борисовыхъ, трехъ Песцовыхъ и меня. Мы наняли квартиру на Пескахъ и размѣстились въ двухъ комнатахъ; столъ былъ отъ хозяйки по 40 р. асс. въ мѣсяцъ на человѣка, со стиркой бѣлья. Устроившись, на третій день мы явились въ комитетъ, состоящій изъ пяти заслуженныхъ генераловъ въ лентахъ и звѣздахъ. Страшно было и приступить, я чувствовалъ себя окончательно потеряннымъ, казалось, что не въ силахъ буду и сказать что либо, но, благодаря ласковому вниманію генерала Монута, я ободрился и отвѣчалъ на всѣ вопросы удовлетворительно. По окончаніи экзамена насъ прикомандировали въ роту его высочества в. к. Михаила Павловича для практическихъ занятій. Долго пришлось ожидать нашего производства въ офицеры, такъ какъ рѣшено было обождать прибытія юнкеровъ изъ отдаленныхъ корпусовъ арміи для совмѣстнаго производства. Это сильно насъ тяготило: все, что привезли мы на обмундировку, было прожито. Что оставалось дѣлать? Товарищи не особенно унывали, надѣясь на родительскій карманъ и безпрестанно развлекали себя, разгуливая по вечерамъ въ штатскомъ платьѣ, бывая въ театрахъ и на балахъ, мнѣ же, какъ бѣдному человѣку, приходилось сидѣть дома, что было подчасъ очень непріятно, — молодость брала свое, разсказы товарищей еще болѣе раздражали меня, но надо было терпѣть и утѣшать себя хотя пословицею «терпи козакъ—атаманомъ будешь». Видя что конца нѣтъ нашимъ ожиданіямъ, я рѣшился обратиться къ своему земляку,— коменданту столицы генералу Башуцкому съ просьбой обратить вниманіе на замедленіе нашего производства.

Генералъ Башуцкій, близкій сосѣдъ по имѣнію и даже дальній родственникъ моей матери, пріѣзжая на родину, бывалъ на балахъ у Разумовскаго и даже не разъ танцовалъ съ моею матерью. Хотя матушка и совѣтовала мнѣ побывать у генерала, но нужно было много рѣшимости, чтобы исполнить это; какъ посмотритъ на меня—ничтож-

наго юнкера такая важная особа какою былъ тогда генералъ Башуцкій? Приходилось идти во дворецъ, гдѣ была тогда квартира коменданта. Я былъ такъ счастливъ, что меня сейчасъ допустили въ квартиру генерала, который, милостиво выслушавъ меня, началъ кричать и бранить меня, отчего я не явился къ нему раньше. Затѣмъ, обѣщавъ похлопотать о нашемъ дѣлѣ, приказалъ мнѣ аккуратно приходить къ нему на обѣдъ всякое воскресенье, что я въ точности долженъ былъ исполнять, хотя приходилось ходить чуть не нѣсколько верстъ, да и жутко было сидѣть среди такихъ важныхъ особъ, которыя, обыкновенно, посѣщали генерала. Личность генерала Башуцкаго замѣчательна. Въ войну 1812 года онъ командовалъ петербургскимъ ополченіемъ въ распоряженіи главнокомандующаго графа Витгенштейна. Служа при дворѣ, онъ для отдыха часто посѣщалъ свой родной край. Въ мѣстечкѣ Новыхъ Млынахъ находился его домъ, гдѣ, пріѣзжая погостить, онъ любилъ задавать обѣды окрестнымъ дворянамъ. Многихъ бѣдняковъ онъ помѣщалъ на службу или въ корпуса. Память о немъ въ родномъ краѣ незабвенна. Онъ всегда оставался патріотомъ, домъ его былъ наполненъ его земляками; онъ отличался малорусскимъ хлѣбосольствомъ и юморомъ. Много ходило о немъ анекдотовъ. Говорятъ, разъ онъ зашелъ въ магазинъ купить географическую карту, и на вопросъ купца, нужна ли ему генеральная карта, отвѣтилъ «ну да, конечно, братецъ, развѣ ты не видишь, что я генералъ».

Семья Павла Яковлевича состояла изъ его сына и невѣстки, прекрасныхъ молодыхъ людей. Жена молодаго Башуцкаго была изъ фамиліи Сватко; они жили очень дружно; оба не любили свѣтскихъ развлеченій и часто посѣщали храмъ Божій, за что отецъ прозвалъ ихъ монахами. Говорятъ, что впослѣдствіи оба они поступили въ монастырь. По разсказамъ, у стараго генерала Башуцкаго было еще два незаконныхъ сына.

Заручившись обѣщаніемъ генерала, я радостно сообщилъ это своимъ товарищамъ, которые довольно недовѣрчиво отнеслись къ моимъ словамъ и повѣрили только тогда, когда, осматривая нашу офицерскую форму, великій князь Михаилъ Павловичъ обратилъ на меня вниманіе: «А, ты родственникъ Павла Яковлевича, хорошо, хорошо, отлично».

Возвращаюсь назадъ. Старшій Песцовъ и два Борисовыхъ съ нѣкоторыхъ поръ начали обращать на себя наше вниманіе. Они часто запирались въ своей комнатѣ, шептались и разговаривали

посредствомъ какихъ то таинственныхъ знаковъ, наконецъ, уходили на чердакъ, гдѣ сидѣли до поздняго вечера. Все это сильно интриговало насъ—жильцовъ другой комнаты. Намъ приходило въ голову, не подшучиваютъ ли они надъ нами, ругая насъ такимъ образомъ, чтобы мы этого не понимали; не была ли это месть за наши насмѣшки надъ ихъ аскетическою жизнью? Предположеніе было конечно глупо; мы были еще мальчишки и насъ раздражала эта жизнь, полная таинственности; стали слѣдить за ними. Оказалось, что Петръ Борисовъ нолучаетъ пакеты изъ Вѣны и Берлина, что насъ крайне удивило:—ничтожный юнкеръ ведетъ какую то важную заграничную переписку. И вотъ рѣшено было открыть тайну чердачныхъ бесѣдъ и ключъ языка. Однажды, когда Борисовыхъ и Песцова не было дома, средній Песцовъ, юнкеръ Александровъ, пришедшій къ намъ въ гости, и я залѣзли па чердакъ, отворили найденный тамъ сундучекъ и между письмами, испещренными цифрами, нашли русскую азбуку, объясняющую значеніе цифръ. Сильно обрадовавшись находкѣ, мы въ короткое время изучили таинственный языкъ и прочли найденный тамъ же уставъ «человѣколюбиваго общества», гдѣ по пунктамъ были пояснены обязанности христіанскаго общества: любить Бога, ближняго, дѣлиться съ нуждающимся послѣдней рубашкой, хранить общественныя тайны, стараться о пріобрѣтеніи членовъ общества. Изъ всего открытаго мы заключили, что они принадлежатъ къ обществу масоновъ, удивлялись и не вѣрили значенію юнкера въ этомъ обществѣ. Что касается обоихъ юнкеровъ, надо сказать, что они были примѣрно нравственны и богомольны, не пропускали ни одной церковной службы. Вскорѣ послѣ нашего открытія праздновался день св. Маріи Магдалины. Обыкновенно, въ этотъ день было гулянье въ Маріинской рощѣ близъ Петербурга. Отправились мы; братья Борисовы были въ штатскихъ костюмахъ; на младшемъ мы замѣтили въ петлицѣ на голубой лентѣ маленькій серебряный молоточекъ (знакъ масоновъ) и намъ показалось это такой смѣшной комедіей, что тутъ же мы вздумали наказать его и скоро дали замѣтить, что понимаемъ ихъ языкъ, вмѣшавшись въ ихъ разговоръ. Тотчасъ наше чердачное преступленіе было открыто, поднялась ссора, честь наша была поругана названіемъ подлецовъ, оставалось смыть оскорбленіе кровью. И вотъ, въ тотъ же день назначено мѣсто дуэли «Волково поле», выбраны секунданты, но тутъ вмѣшался нашъ общій товарищъ Александровъ и, благодаря ему, дуэль была отложена до производства въ офицеры, а тамъ обѣ стороны настолько охладѣли, что и совсѣмъ

забыли о ней думать. Тѣмъ временемъ были приняты мѣры къ перемѣнѣ цифроваго языка, такъ что вскорѣ онъ опять сдѣлался для насъ непонятнымъ.

Вскорѣ мы были произведены; но радость надѣть офицерскіе эполеты для меня была сильно омрачена невозможностью сдѣлать какую бы то ни было обмундировку. Проживъ все привезенное мною за 8 мѣсяцевъ въ Петербургѣ, я не имѣлъ буквально ни гроша, ждать изъ дому я не могъ, зная состояніе матушки—положеніе было безвыходное; было о чемъ задуматься, какъ я представлюсь великому князю. Въ эти тяжелыя минуты мнѣ опять пришлось обратиться за помощью къ своему великодушному земляку генералу Башуцкому. Я отправился во дворецъ и откровенно разсказалъ ему о своемъ положеніи, прося сколько нибудь помочь мнѣ. Генералъ строго посмотрѣлъ на меня, сказавъ: «словамъ твоимъ вѣрю, онѣ дышатъ правдой, но денегъ тебѣ не дамъ безъ поручительства за твою нравственность, а можно впередъ взять треть жалованья по закону и одѣться экономически». Я болѣе не смѣлъ говорить, но чѣмъ бы тогда пришлось существовать, предстояло окончательно запутаться. Въ ту минуту, когда я уже готовъ былъ раскланяться, стоящій тутъ же адъютантъ Троцкій выручилъ меня, замѣтивъ генералу, что третное жалованье составляетъ всего 70 руб. ассигн.; тогда генералъ, подумавши немного, обратился къ Троцкому: «сведи его къ моему гардеробному портному, прикажи сшить ему полную офицерскую форму изъ лучшаго матеріала, а счетъ подать мнѣ».

И такъ, благодаря добротѣ генерала Башуцкаго, я былъ обмундированъ не только прилично, но даже лучше моихъ товарищей, такъ что обратилъ на себя вниманіе великаго князя, который, осматривая насъ, по представленіи въ офицеры, остался настолько доволенъ моей обмундировкой, что поставилъ меня въ примѣръ прочимъ.

По производствѣ въ офицеры всѣ мы разбрелись въ разныя стороны. Я и Сабо были назначены въ 6-ую артиллерійскую бригаду; но послѣдній служилъ пажемъ при штабѣ Его Высочества Михаила Павловича, а затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ шостенскаго пороховаго завода, а Борисовъ и Песцовы произведены въ 9-ю артиллерійскую бригаду.

Прошло немного времени и мнѣ пришлось узнать очень грустныя вещи о моихъ бывшихъ товарищахъ: старшій Песцовъ и Борисовы оказались замѣшаны въ исторію 25 декабря и сосланы въ Сибирь, а также мой дорогой учитель Берсгель поплатился за свое увлеченіе 20-лѣтней каторжной работой въ Сибири. Л***